

Рождение голода / The Birth of Hunger (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Рождение голода / The Birth of Hunger (рассказ)

Автор	Дэвид Аннандейл / David Annandale
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Восхождение / Uprising
Год издания	2020
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Валжуну до сих пор приходила на ум ложь, которую ему сказали в первый день. «Ты к этому привыкнешь», – сказали тогда. Все ветераны трупной гильдии, один за другим, произносили одни и те же слова, показывая ему, еще ребенку, как работать с костопилками, как разукрупнять тела перед отправкой в дробилки, как извлекать органы для измельчителя.

Ты к этому привыкнешь. Ты к этому привыкнешь. Ты к этому привыкнешь. Ложь повторялась снова и снова - всегда одинаково мертвым голосом, кто бы ни говорил, словно каждый из членов трупной гильдии на самом деле являлся продолжением машин, покрытым плотью механическим каркасом, а единственными настоящими людьми были безжизненные предметы, которые перерабатывали в трупную муку. Он всегда знал, что эти слова - ложь, даже в первый же день, когда их услышал. Тот первый день, когда испуг, ужас и отвращение от того, что ему показывали и велели делать, были настолько велики, что он думал, будто неизбежно сойдет с ума. Он думал, что сойдет с ума, поскольку в этом месте было невозможно сохранить рассудок. Невозможно видеть разделанные трупы, чувствовать сладкий запах гнили, липкую, влажную кровь - и не вопить в глубине души. Невозможно слышать, как пилы с визгом проходят через кости, а внутренности хлюпают об пол, невозможно расчленять мертвецов на части - и не закричать, не ослепнуть, не скрыться навеки в стенающем мраке разума. Так что да, в тот же первый день, даже тогда, *даже тогда*, когда любая надежда, сколь бы слабой она ни была, представлялась спасением - он распознал ложь.

Он думал об этой лжи каждый день с тех пор, как впервые ее услышал. Было время, недолгое время, когда он пытался поверить и в начале каждой смены гадал: *я уже привык? Становится легче?* В конце каждой смены, когда он ковылял обратно в тесное темное жилье размером чуть больше бака для хранения, ответ был: «Нет», но в то время, то недолгое время, он осмеливался надеяться, что следующая смена, возможно, окажется чуть менее ужасной, а кошмар не столь всеобъемлющим.

Столь недолгое время.

Теперь Валжун был старым, самым старым из всех, кто когда-либо работал на разделочном заводе. Старше душой, чем телом - достаточно старым, чтобы смерть уже не являлась отдаленной перспективой, хотя и она на самом деле не сулила облегчения. Смерть означала превращение в мясо для помола. От машин трупной гильдии не существовало подлинного спасения.

У Валжуна имелся единственный повод для гордости - единственное из того, за что он мог зацепиться в жизни, не запятнанное неудачей. Он так и не освободился с производства трупной муки. Его должны были перевести по ротации еще много лет назад, но то ли он стал невидим для административной машинерии гильдии, то ли допустил ошибку и оказался слишком эффективным и безупречным работником. Он знал, что заперт здесь навеки, будто еще один станок, припаянный на разделочном уровне.

Он был бы горд, сумей он избавить от такой жизни свою дочь, Мнетак. Здесь он вновь потерпел неудачу. Забрызганная кровью, она трудилась возле мясорубки, всего в тридцати футах от него.

Его единственная гордость, единственная победа, состояла в том, что он не стал поддерживать ложь. Он никогда никому не обещал, будто кошмар кончится. Он всегда говорил лишь правду о том, каково существовать на нижних ступенях трупной гильдии.

Когда вообще говорил, то есть. С годами он находил все меньше и меньше причин вступать в беседы. Говорить было не о чем. Даже с Мнетак. Возможно, с ней в особенности, поскольку один лишь ее вид вновь напоминал о боли. Предстояло терпеть один только ужас.

Нет. Стоп. Это было не совсем так. Терпеть предстояло не только ужас. Был еще Гуэрвис.

Раздававшийся голос зрителя трупной гильдии резко и гнусаво выкрикивал распоряжения, которые пробивались сквозь влажный, хрустящий, скрежещущий шум разделочного уровня. Валжун работал на костопилке. Он опустил вращающееся лезвие на ноги трупа, над которым трудился, рассекая сперва

голени, а затем колени. После каждого разреза он поднимал лезвие и подтаскивал тело вперед, чтобы делить его дальше. Даже пронзительному визгу металла и костей не удавалось заглушить Гуэрвиса.

Валжун потянул тяжелый рычаг вверх, вновь поднимая огромное железное лезвие. Перед тем, как переместить выпотрошенный труп, он помедлил и бросил взгляд влево, на зрителя.

Гуэрвис и трое его охранников-силовиков неспешно шли по мостику. В огромном разделочном цеху – одном из тех, из которых состояло это производство трупной муки – была сеть железных переходов и лесенок для доступа к мясницким машинам. Гуэрвис обходил пункты потрошения. Рабочие трудились вокруг столов шириной в десять футов с каждой стороны. Вынутые органы они заталкивали в желоба, расположенные под каждым из столов и спускавшие сырье между тяжелых крутящихся цилиндров измельчителя уровнем ниже, где его давило в кашу. Потрошители у столов сливали кровь в трубы, которые также шли в машину, подавая смазку для облегчения процесса разрушения.

Опустошенные тела швыряли на широкие тележки. Другие рабочие волокли эти тележки к костопилкам. Валжун и другие операторы перетаскивали трупы на распиловочные столы и нарезали их кусками. Фрагменты перекладывались в вагонетки, которые в свою очередь накапливались и опрокидывались в дробилку – зияющую пасть, полную зацепляющихся зубьев.

Сверху и снизу от Валжуна, на других уровнях, которые отделяло от него более пятнадцати футов, такие же задачи выполнялись на идентичных машинах. Это никогда не прекращалось. Здесь не было ни дня, ни ночи – только ротация смен, бесконечно заталкивающих мертвецов на их последнюю службу в качестве пищи для живых.

Гуэрвис и его охранники переходили от рабочего к рабочему. Некоторых они игнорировали, а других заставляли прервать свое занятие и обыскивали.

- Что они ищут? – спросила Маррика. Она была гораздо моложе Валжуна, однако за короткое время работа состарила ее, превратив в такую же сморщенную, узловатую и иссохшую пустую оболочку. Она работала на костопилке справа от Валжуна.

- Без понятия, – сказал Валжун.

- Зачем обыскивать? Что мы можем украсть, как он считает?

Валжун пожал плечами. Он опустил пилу, разрезая торс пополам. Затем снова посмотрел на Гуэрвиса. Ему было любопытно, и это стало для него неожиданностью. Он и не думал, что все еще сохранил способность к любопытству. Не думал, что в нем осталось место для каких-либо эмоций помимо отвращения и ужаса. Однако Маррика была права. В этом жутком месте нечего было красть, кроме душ тех, кто влачил тут рабское существование, а их забирали в первый же день на разделочном уровне. На нищенское жалованье за работу не прожить. Оно служило лишь симптомом боли. И здесь не имелось ничего ценного, что можно было бы вынести наружу. Гуэрвис полагал, будто что-то *вносят внутрь*? Валжун не мог придумать, что могло бы обеспокоить таких, как зритель. Как ему казалось, Гуэрвису ни до чего не было дела, пока каждая смена выполняла свою норму, а работа производства не нарушалась. Если благополучие зрителя обеспечивалось, все остальное не стоило его внимания.

Валжун поднимал и опускал пилу, поднимал и опускал, двигаясь на автомате. Он закончил делить труп на части. Голова свободно каталась по столу туда-сюда. Он схватил ее за волосы и бросил в вагонетку. Повернулся к груде тел возле своего поста. Подхватил следующее под мышки и снова сделал паузу, пристально глядя на Гуэрвиса и наслаждаясь тем, как ужас вытесняется ощущением ненависти.

Смотритель был подходящей фигурой для ненависти Валжуна. Гуэрвис, пыжащийся в своем одеянии трупной гильдии, не страдал так, как невольники. Он ни разу в жизни не разделявал труп. Он был худощав и к середине жизни отрастил брюшко, хотя и держался так, словно до сих пор представлял себя таким же жилистым, как в юности. Форма смотрителя была ему слегка велика, будто для того, чтобы скрыть живот – свидетельство ведомых ему жизненных благ, которые Валжуну не стоило даже воображать. Он ел больше необходимого и не вел жизнь труженика. Много сидел. Имел собственное мнение. Получал деньги, которые не зарабатывал. Извлекал выгоду из невзгод своих работников исключительно потому, что ему повезло с должностью.

Гуэрвис и ему подобные вызывали у Валжуна возмущение. Когда он не видел этого человека, то питал к нему отвращение, а когда видел – ненавидел еще сильнее. Гуэрвис кичился властью, не основанной ни на чем. Он редко утруждался снизойти в шум и грязь разделочных цехов. И вот он находился тут с таким видом, словно самолично сконструировал каждую машину, хотя его взгляд перескакивал с места на место, избегая окружающих картин.

Он и его охранники прерывали рабочих без предупреждения, не задумываясь о том, что те могут быть на середине операции.

- Он кого-нибудь угробит, – произнесла Маррика. – Или себя.

Валжун согласно хмыкнул. Его позабавила мысль о том, как Гуэрвис поскользывается и падает лицом на крутящееся лезвие костопилки. Это было бы нечто. А еще этого бы не произошло. Дураки вроде Гуэрвиса никогда не причиняют себе вреда.

Валжун затащил на стол следующий труп и опустил пилу на низ ног. Он вполглаза следил за продвижением Гуэрвиса, чтобы точно был момент сделать паузу, когда смотритель дойдет до его места.

Однако Гуэрвис не стал его обыскивать. Проходя мимо, тот с надменным удовлетворением на лице оглядел Валжуна, но и только. Чтобы посмотреть на Маррику, он задержался подольше, но и от нее ничего не потребовал, равно как и от остальных операторов костопилок.

«Ему скучно? – гадал Валжун. – Он уже нашел, что искал?»

Явно нет. Тот вдруг обернулся к рабочим, которые бросали куски тел в мясорубку.

- Прекратить свое занятие! – заорал он в ухо Хешу, разъяренный тем, что работник никак не показал, что заметил его важное приближение. Молодой мужчина испуганно подпрыгнул.

Потерял опору.

Качнулся вперед, размахивая руками, хватаясь за что угодно.

Его рука сомкнулась на рукаве рабочего рядом с ним.

На рукаве Мнетак.

Глаза Валжуна расширились, его ненависть потонула в ужасе в тот же миг, как он увидел, что жизнь дочери зависит от того, удержит ли она равновесие.

Мнетак метнулась назад и вырвалась. Хеш завопил и свалился за приподнятую кромку зева, в дробилку. Оборудование громко заскрежетало под нагрузкой в виде цельного тела. Вверх ударил фонтан крови. Шестерни завизжали, испуская дым. Крик Хеша оборвался, и спустя несколько мгновений вернулся

нормальный рокот машины.

Гуэрвис отступил назад, стирая кровь со щеки. Он быстро зашагал прочь, больше никого не обыскивая, пока не добрался до нижнего уровня. Валжун наблюдал за его уходом, а приступ облегчения вновь освобождал место для ненависти.

«Что ты ищешь? Стоило оно того, что ты только что устроил?»

Для Гуэрвиса – несомненно. Для Гуэрвиса Хеш теперь представлял большую ценность. Он превратился в продукт, и ему не требовалось платить.

И все же. И все же. Гуэрвис убил человека, но все равно продолжал искать нечто, недоступное воображению Валжуна.

«Что это? Что ты ищешь?»

Проведя еще несколько точечных проверок, Гуэрвис вернулся в комнату зрителя, предоставив дальнейшие поиски охранникам.

– Что нам следует искать? – спросили они.

– Поймете, когда увидите, – ответил он. Как он надеялся, достаточно многозначительно, чтобы скрыть собственное незнание.

Гуэрвис уселся за стол. Снова рефлекторно вытер щеку, хотя крови уже не было.

Его офис был маленьким и темным, но чистым. Он располагался над самым верхним из разделочных цехов. Окон не было. Гуэрвис не получал удовольствия от наблюдения за работой трупной гильдии. Он не любил ходить на рабочие уровни чаще необходимого. До сегодняшнего дня ему это вообще не представлялось необходимым. Однако поступил приказ, с гербом лорда Хельмавра – приказ, который предписывал повышенную и строгую бдительность на производствах трупной гильдии.

Бдительность насчет чего? В приказе, доставленном сервочерепом, об этом не говорилось. Так что он отправился на поиски чего-нибудь, кажущегося неправильным. Чего-нибудь такого, чего не должно было быть у его работников.

Он не нашел ничего. У этих людей ничего не было. Что он мог найти?

Единственным результатом поисков стал этот глупый несчастный случай. Это была не его вина. Человек не проявил внимательности. Он был не просто забывчив. Он был непочтителен. Он должен был знать о присутствии Гуэрвиса. Он повернулся спиной к вышестоящему. Именно гордыня и беспечность его и погубили. А не то, что Гуэрвис его напугал.

Он опять потер щеку, пытаясь отделаться от воспоминания о крови и зрелища того, как живое тело давит в мульчу. Ему не следует беспокоиться о лице этого дурака. Не следует беспокоиться о безумной муке, оставшейся на чертах того, когда он был уже мертв. Не следует думать об увиденной картине того, как это лицо сдавливают и рвут на лоскуты зубчатые цилиндры дробилки.

Он скреб щеку, пока не стало больно.

Перед самым концом смены Валжуна дробилка снова начала визжать. Все-таки тела Хеша целиком оказалось слишком много, и это создавало нагрузку на ржавеющий многовековой механизм, пока тот не сломался. Машина была простой, а запасные детали имелись в складских хранилищах. Не было нужды посылать за техножрецом. Это входило в рутину разделочного уровня. Машины тоже умирали, но их можно было воскресить. *Они-то* имели ценность. Однако этой дробилке предстояло бездействовать несколько часов.

Передав костопилку сменщику, Валжун прошел мимо остановленной дробилки. Он все еще думал об изысканиях Гуэрвиса, пытаясь представить, в чем состояла их цель. «*Что ты ищешь?*» Его взгляд упал на неподвижные цилиндры. На кровь, капавшую с зацепляющихся остроконечных зубьев. На приставшие к ним ошметки плоти, кусочки Хеша – недолгую память о нем до тех пор, пока измельчение не возобновится.

Валжун остановился. Уставился на плоть и кровь.

«*Что ты ищешь?*»

Этого не могло быть здесь. И тем не менее слова все повторялись у него в голове. «*Что ты ищешь? Что ты ищешь?*» Он уже не был уверен, что адресует этот вопрос Гуэрвису.

Он прирастал к месту. Не мог оторвать глаз. Изодранные раздавленные останки удерживали его. Впервые в жизни он глядел на них не с ужасом. Он впитывал все новые и новые подробности. То, как кровавая полоса покрывала один из краев более крупного лоскута плоти. Кусочки кости, острые и белые, крохотные иголки, приставшие к металлу в лоснящейся крови. Когда-то это была жизнь. Когда-то это был Хеш, которому он кивал в начале смены. Хеш все еще находился здесь. Он преобразился. Он пребывал повсюду в дробилке.

Призраки раздавленного тела звали к Валжуну непостижимым для него образом.

В глубинах, о которых он уже позабыл, что-то шевельнулось. Он не понимал, что чувствует. Оно было слишком древним и колоссальным, чтобы ухватить сразу.

Валжун моргнул и стряхнул с себя транс. Он покинул разделочный цех и двинулся по тесной мрачной лестнице, где разлило мочой и кровью, к узкому алькову, в котором спал. Чтобы попасть туда, ему приходилось вскарабкиваться на несколько ступенек. Места было слишком мало даже чтобы вертикально усестся. Чуть больше гроба, которого ему не суждено было получить. Валжун втиснулся внутрь и задвинул решетку.

Он попытался поспать.

Все это время у него в груди медленно разворачивалось нечто, не поддававшееся опознанию, но при этом казавшееся его самой подлинной личностью.

В следующую смену Валжуна Гуэрвис снова появился. На сей раз он и его охранники продвигались медленнее. Если зритель и пытался избежать еще одной досадной смерти, то компенсировал предположительную осторожность повышенной жестокостью. Малейшее промедление со стороны работника в плане прекращения своего занятия и прохождения обыска встречалось побоями. Валжун следил за приближением Гуэрвиса. Он заставил ненависть покинуть свои глаза. Он не собирался доставлять зрителю удовольствия подвергнуть его дисциплинарному наказанию. Он подгонял ритм

работы под время. После всех этих десятилетий он умел так делать. Он закончил делить труп на части как раз в тот момент, как Гуэрвис поравнялся с его постом. Валжун повернулся к зрителю с абсолютно невыразительным покорным выражением на лице.

Мгновение Гуэрвис смотрел на него, а затем кивнул охране. Валжун поднял руки. Пока его обыскивали, он являл собой воплощение безразличия. Когда они закончили, Гуэрвис кивком велел им переходить к Маррике. Он еще несколько секунд разглядывал Валжуна, после чего произнес:

- Идем со мной.

Охранники продолжили обыск, а Гуэрвис повел Валжуна из разделочного цеха вверх по этажам производства, в свой офис. Там шум машин слышался приглушенно. Это было самое близкое к тишине, что доводилось ощущать Валжуну на его памяти. Стоя перед столом Гуэрвиса, он слегка покачнулся - от неожиданной сенсорной депривации его накрыло головокружением.

- Как твое имя? - спросил Гуэрвис.

Валжун сказал ему. Сервочереп, паривший над массивным посеченным столом, издал механический стук. Между челюстей стала вытягиваться полоска пергамента, пока зубы резко не сомкнулись. Гуэрвис протянул руку вверх, оторвал пергамент и пробежал по нему глазами.

- Ты здесь уже долго, - произнес он, похуже, впервые осознав это.

- Да, зритель.

«Тебе понадобился сервочереп, чтобы это понять?»

- Вижу, в твоём послужном списке нет никаких пятен.

- Благодарю вас, зритель.

«Хотел бы я увидеть пятна от своих ладоней у тебя на горле».

- За внимание к своим обязанностям ты заслужил честь, оператор Валжун, - сказал Гуэрвис. Когда Валжун промолчал, он прокашлялся и продолжил. - Ты сможешь мне обеспечивать на этом производстве соответствующие порядок и веру.

- Да, зритель.

«Я понятия не имею, о чем ты говоришь. Что ты ищешь?»

- Ты станешь моими глазами и ушами на разделочном уровне.

- Да, зритель.

- Если окажешься свидетелем чего-либо необычного, доложишь мне. Понимаешь?

- Да, зритель.

«Нет. Я не понимаю».

Валжун вернулся на свой этаж, пытаясь представить, что такого он может увидеть, по мнению Гуэрвиса.
«Мы превращаем наших мертвецов в пищу. Что может быть запрещено в таком месте?»

- Чего он хотел? – спросила Маррика.

- Хочет, чтобы я был его шпионом, – он поправил тело на столе, а затем отрезал ступни.

Маррика неприятно рассмеялась.

- Чего он боится? Что мы можем украсть, как он считает?

Валжун пожал плечами. Однако слова Маррики задержались у него в голове на то время, пока он трудился. Они сложились в хор вместе с другими вопросами.

«Что мы можем украсть, как он считает?»

«Что он ищет?»

«Что запрещено?»

«Что запрещено?»

«Что запрещено?»

Еще он продолжал думать о разбрызганных останках Хеша. Как те блестели в свете дуговых люменов. Как влекли к себе душу. И впервые он сосредоточился на своей работе и ощутил нечто, весьма отличное от ужаса. Его восхитило, как пила разрезает кожу и мускулы – жужжащее лезвие двигалось без труда, но все равно оставляло рваные раны. Вгрызание металла в кость, разбор человека на куски мяса – в этом была глубина, близость, к которой не могло даже приблизиться ни одно другое действие.

«Что запрещено?»

Он понял. Поразившая ее уверенность сопровождалась неожиданной радостью. Трупная мука являлась ложью. Запретна была истина. Поедая трупную муку, миллиарды обитателей Некромунды не отдавали себе отчета, что та когда-то была людьми. Ее происхождение оставалось невидимым, истину уничтожали, стирали работой костопилки и дробилки. Запрещалось есть, полностью сознавая, что поглощаешь. Мука была ложью. Плоть была истиной.

Валжун разрезал труп на куски. Когда он дошел до торса, ему не хватило одного прохода лезвия, чтобы целиком рассечь тело. Он об этом позаботился. Позаботился о том, чтобы опустить лезвие два раза с крайне небольшим отличием, и с того на стол упала полоска лоснящегося мускула. Подтягивая тело вперед, Валжун накрыл полоску ладонью и спрятал ее в рукаве своей рабочей блузы.

Никто не увидел.

По окончании смены, оказавшись в одиночестве в своей камере, он повернулся спиной к решетке и извлек кусочек плоти. Валжун не мог разглядеть его в темноте, но ощущение влажной мышечной ткани заставило его задрожать в предвкушении.

«Это запрещено».

«Это – истина».

Он положил мускул себе в рот. Провел языком по сухожилию. Прочувствовал вкус крови и чистоту ужаса.

Он начал жевать.

То, что уже начало разворачиваться у него в груди, теперь устремилось по венам. Валжун судорожно вздохнул от мощи откровения. Он жевал и рвал плоть, а проглотив ее, зарычал от яростного ликования, ибо в этот миг ощутил божественное прикосновение.

И он понял, что не оставит это откровение при себе.

Мысль о Мнетак больше не причиняла ему боли.

Спустя месяц бессмысленных поисков и бессмысленных встреч с Валжуном, которому постоянно было не о чем доложить, Гуэрвис понял, что должен принять одну из двух версий. Первая состояла в том, что на его производстве и впрямь все в порядке. Этот вариант ему нравился. Тешил его гордость и лень. Другая версия заключалась в том, что его старания в плане бдительности не дали результата и придется попробовать нечто иное.

Ему хотелось, чтобы верной оказалась первая версия. Он опасался, что таковой может быть вторая, и еще сильнее опасался, что в этом случае его сочтут нерадивым.

«Но что я должен искать?»

Спрашивать не имело смысла. Если бы ему полагалось это знать, в приказе бы сообщили.

Так что по прошествии месяца он попробовал нечто иное. Сделал то, чего изо всех сил избегал все время пребывания на должности смотрителя. Он осмотрел завод.

Узкий коридор, отходивший от его офиса, заканчивался балконом, который нависал над концентрическими уровнями центрального разделочного цеха. Над каждым из остальных цехов также располагалось по балкону. Гуэрвис оперся на перила и поглядел вниз. Работа внизу натолкнула его на мысли о червях, копошащихся в мясе. От вони было невозможно дышать. Как и во время инспекций, глаза тут же начали слезиться. Он потер их, стал дышать через рот и сосредоточился на том, что видел.

«Это бессмысленно. Что я вообще могу увидеть?»

С такой высоты рабочие казались настолько маленькими. Они могли делать что угодно, и он бы об этом не узнал. Тем не менее, страх перед порицанием удерживал его на посту. Равно как и нарастающее возмущение от мысли, что от него что-то скрывают. Ему казалось, будто начальство и подчиненные вместе строят заговор против него. Он заставит кого-нибудь поплатиться. И нанести удар он мог только вниз.

Он стоял там часами, деревенея, но его начинали гипнотизировать ритмы и схемы работы, которой он руководил. Пусть запах и был ужасен, однако, находясь так высоко, было сложнее рассмотреть отвратительную суть труда, и деятельность превратилась в абстракцию. Повторяющиеся движения почти что успокаивали, поэтому, когда произошел пересменок, перерыв в работе оказался раздражающим.

Достаточно раздражающим, чтобы взбодрить его и вернуть бдительность. И достаточно раздражающим, чтобы он заметил единственную продолжавшуюся ноту. Это было на ближайшем к нему уровне. После того, как горн сигнализировал об окончании смены, одна из работниц задержалась у своей костопилки. Она оставалась на месте, наклонившись над трупом на столе. Ее сменщик болтался чуть поодаль. Затем она вдруг посмотрела вверх и по сторонам, после чего быстро направилась к выходу с уровня.

Гуэрвис отметил, какой пост это был, и побежал обратно в офис.

- Стол распилки костей номер тридцать пять, уровень один, цех примус, - сказал он сервочерепу. - Смена бета.

Сервочереп что-то взвизгнул про себя бинарикой, после чего произнес:

- Оператор Фантун.

- Дай мне координаты ее ячейки.

После еще одной консультации с самим собой сервочереп выдал пергамент с отображением места, где спала Фантун.

- Кранц! Ильден! - крикнул Гуэрвис.

Из прихожей офиса зашли двое охранников. Гуэрвис поднял пергамент.

- Идем со мной. Нужно провести инспекцию.

Мужчины послушно последовали за ним. Он двинулся быстрым, целеустремленным шагом, и они из офиса направились по длинной гулкой лестнице, которая вела в муравейник жилищ работников.

Коридоры под разделочными цехами были узкими - немногим больше, чем неравномерно распределенные разломы в сырых стенах. Полосы люменов встречались редко, а те, что до сих пор работали - еще реже. Здесь можно было легко заблудиться, но охранники знали этот глубинный сектор улья лучше него, так что им потребовалось меньше часа, чтобы определить, в которой из идущих от пола до потолка сотовидных конструкций с ячейками находится нора, где жила Фантун. Ячейка Фантун располагалась в нижнем ряду, на уровне пола. Кранц опустил вниз луч люмен-фонаря, а Гуэрвис присел на корточки возле решетки. Фантун лежала на боку, спиной к коридору.

- Оператор Фантун, - произнес Гуэрвис, - повернись.

Она не пошевелилась.

Гуэрвис ухватился за решетку и с силой дернул. Проржавевшая защелка не выдержала, и он оттащил ее в сторону. В тот же миг Фантун рывком развернулась с быстротой змеи. Она ухмыльнулась Гуэрвису. Ее зубы были перемазаны кровью, а губы - покрыты кусочками плоти. Обеими руками она сжимала лицо, недавно содранное с трупа. Оно было изорвано и обглодано. Фантун медленно, насмешливо принялась жевать.

Гуэрвис качнулся на пятках и тяжело уселся наземь. Он уставился на гротескную картину внутри ячейки. Несколько секунд он отказывался понимать, что видит.

Фонарь Кранца упал на пол.

- Арестовать ее, - велел Гуэрвис охранникам. - Вытащите ее оттуда.

Ответа не последовало. Фантун ощерилась.

Гуэрвис поднял глаза. Кранц с Ильденом стояли неподвижно, свесив головы и уронив руки. У них из груди торчали мечи для отделения мяса от костей. Убийцы еще несколько секунд подержали их в вертикальном положении, после чего дали телам упасть.

Из ячеек с обоих концов коридора появлялись темные фигуры. Оказавшись в ловушке, Гуэрвис стал отползать назад. Из его груди поднимался стон страха. Руки схватили его за плечи и остановили. Из скапливающихся теней в маленькое пятно света от люмен-фонаря выступил Валжун. Он держал в руках мясницкий секач. Рабочий посмотрел на Гуэрвиса сверху вниз.

- Теперь мы оба нашли то, что искали, - произнес он.

- О чем ты говоришь? - спросил Гуэрвис. Он попытался призвать исчезнувшую властность. - Немедленно отпустите меня!

Валжун покачал головой и презрительно оскалил зубы.

- Ты не достоин откровения, - сказал он. - Потому ты его не получишь. Но мы должны поблагодарить тебя.

- Поблагодарить? - Гуэрвис старался встать, но руки сильно давили на него, держа железной хваткой.

- Да. Ты указал мне путь.

- Ты несешь чушь. Отпустите меня!

- Ты искал, и я тоже стал искать. Ты указал мне путь к Владыке Мясa. И через меня все обратятся к Нему.

Гуэрвис огляделся, отчаянно высматривая помощь. Все окружавшие его сумрачные лица были вымазаны кровью. Потом он вспомнил одну деталь из пергамента с данными о Валжуне.

- Я не вижу здесь твоей дочери.

- Нет.

- Что бы ты ни собирался сделать, остановись сейчас, и тогда, по крайней мере, она будет избавлена от твоей кары.

- Она скоро присоединится к нам. Я пойму, когда она будет готова. Тебе не от чего нас избавлять. Ты никогда этого не делал. И теперь нет ничего, от чего будешь избавлен ты сам.

Серп в руке Валжуна блеснул.

- Ты сказал, что должен меня благодарить!

- Я поблагодарил. Теперь мы возьмем плату, что ты нам задолжал.

Быстрыми свирепыми движениями Валжун рубанул секачом по ногам Гуэрвиса. Нападение было настолько внезапным, а боль столь чудовищной, что вопль Гуэрвиса застыл у того в глотке. Валжун отделил ноги в коленях. Другой рабочий передал ему пару кусков ткани, с помощью которых он перевязал обрубки.

- Ты должен пробыть в сознании еще немного, - произнес Валжун. Он вручил конечности своим последователям, и те с алчным наслаждением вгрызлись в плоть, исходя слюной. - Ты - наша награда. Мы наконец-то получаем с тебя плату, и взамен за это ты узришь свое приношение Владыке Мясa.

Затем Валжун отступил в сторону. Руки Гуэрвиса отпустили, однако он был уже слишком слаб, чтобы ползти прочь. Но когда паства Валжуна сомкнулась вокруг него с другими серпами и принялась резать -

тогда, наконец, он нашел силы закричать.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Рождение_голода_/_The_Birth_of_Hunger_\(рассказ\)&oldid=16144](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Рождение_голода_/_The_Birth_of_Hunger_(рассказ)&oldid=16144)

Эта страница в последний раз была отредактирована 26 января 2021 в 01:19.